

УДК 343.1

DOI 10.17223/23088451/10/10

А.А. Михайлов

ВИДЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Отмечается различие сущности непосредственности в англо-американском и континентальном типах уголовного процесса. С учетом уголовно-процессуальной теории и законодательства стран континентальной Европы (Германии, Нидерландов, Швейцарии) обосновывается необходимость разработки в теории уголовного процесса России вопроса о видах непосредственности, в том числе формальной и материальной непосредственности, разграничиваемых по содержанию, а также ординарной, факультативной и экстраординарной непосредственности, различаемых по режиму функционирования. Аргументируется позиция о реформировании особых порядков судебного разбирательства в уголовном процессе России посредством закрепления в них режима факультативной непосредственности.

Ключевые слова: принцип непосредственности, судебное разбирательство, исследование доказательств, виды непосредственности.

Непосредственность исследования судом доказательств является одной из важнейших гарантий, обеспечивающих установление действительных обстоятельств уголовного дела в ходе судебного разбирательства. При этом содержание непосредственности в значительной степени определяется методом установления фактических обстоятельств уголовного дела, лежащим в основе уголовного процесса того или иного типа.

Состязательный метод установления фактических обстоятельств дела, характерный для англо-американского уголовного процесса, обуславливает такое построение последнего, при котором отсутствует досудебное производство с детально регламентированным в законе порядком собирания доказательств до того момента, когда они будут представлены суду, уполномоченному рассматривать и разрешать дело по существу. Стороны, играющие доминирующую роль в уголовном процессе данного типа, в значительной степени определяют процесс установления фактических обстоятельств уголовного дела и соответственно его результат. Доказательства в процессуальном смысле появляются здесь лишь в ходе рассмотрения уголовного дела в суде. В связи с этим в англо-американском уголовном судопроизводстве отсутствует необходимость в «кристаллизации» непосредственности в отдельный принцип уголовного процесса. Состязательная, устная и открытая процедура рассмотрения уголовных дел с присущими ей правилами доказывания, прежде всего такими, как «best evidence» и «hearsay», создает условия непосредственного исследования судом доказательств. Непосредственность в англо-американском уголовном процессе в силу ее «распорочности» в процедуре судебного разбирательства можно назвать транспарентной (от англ. *transparency* – прозрачность).

Следственный метод установления фактических обстоятельств уголовного дела, характеризующийся активной ролью в доказывании лица, осуществляющего производство по делу (дознателя, следователя, прокурора, судьи), и кумулятивностью процесса

доказывания с момента получения сообщения о преступлении до вынесения итогового решения по уголовному делу, обуславливает формализацию досудебного производства в континентальном уголовном процессе. В связи с этим возникают две взаимосвязанные, в определенной степени пересекающиеся, но все же самостоятельные процессуальные проблемы: во-первых, обеспечения нахождения центра тяжести доказывания в судебном разбирательстве при сохранении возможности введения в судебный процесс в установленном порядке доказательств, полученных в ходе досудебного производства, и, во-вторых, обеспечения целостности восприятия судом всех обстоятельств дела в условиях активности суда в доказывании, обусловленной целевой направленностью континентального уголовного процесса на установление материальной истины, и недопущения при этом нарушения прав участников процесса, прежде всего подсудимого.

В англо-американском уголовном судопроизводстве первая из указанных проблем ввиду отсутствия формализованного досудебного производства не стоит, а обеспечение целостности восприятия судом обстоятельств дела осуществляется в существенной мере за счет стимулирования активности сторон, в том числе с помощью правил раскрытия доказательств и распределения бремени доказывания, в условиях «равенства оружия», поддерживаемых беспристрастным судьей – арбитром.

В континентальном уголовном процессе решать вышеуказанные серьезные, носящие структурный характер проблемы предназначен разработанный в теории и выраженный в законодательстве принцип непосредственности, изначально сформулированный немецкими учеными-процессуалистами XIX века.

Необходимо отметить, что способ решения концептуальных правовых проблем посредством формулирования принципов права характерен для континентальных правовых систем, логика построения которых обуславливается дедуктивным типом мышления континентальных юристов. В то же время юристам в правовых системах общего права, в

основе которых лежит судебный прецедент, свойственно индуктивное мышление, осуществляемое от частного к общему [1, с. 96–99]. Это объясняет факт сосредоточения англо-американских юристов не на формулировании принципов процесса, а на разработке специальных правил доказывания, которые зачастую, как например «hearsay», имеют множество исключений.

А.М. Михайлов пишет: «Превалирование дедуктивных заключений среди логических операций в мышлении юристов континентальной семьи имеет под собой культурные основания, укорененные в догматической юриспруденции. Дедуктивная ориентация континентального юридического мышления своей необходимой предпосылкой имеет формирование представления, ставящего абстракцию выше конкретных явлений. Данное представление сформировалось в континентальном юридическом мышлении в период господства схоластического мировоззрения, для которого высшей степенью действительности обладал Бог – самая абстрактная универсалия» [1, с. 99]. При этом принципы права, входя в содержание континентальной юридической догмы, в дальнейшем сами определяют мышление континентальных юристов.

Таким образом, существенным отличием непосредственности в континентальном уголовном процессе от транспарентной непосредственности в англо-американском уголовном судопроизводстве является то, что она, будучи закрепленной на догматическом уровне в качестве принципа уголовного процесса, носит концентрированный характер (концентрированная непосредственность). Это позволяет структурировать сам принцип, составляющий наряду с состязательностью, устностью и открытостью (гласностью) фундамент исследования доказательств в суде, а также проектировать и выстраивать правовые конструкции и нормы, в которых он конкретизируется.

Сложность обозначенных выше процессуальных проблем обусловила глубокую разработку принципа непосредственности в уголовном процессе Германии и других стран континентальной Европы. В ходе исследований принципа непосредственности европейскими процессуалистами с учетом характера указанных проблем была определена двухэлементность структуры непосредственности.

С. Маас, один из первых немецких ученых-правоведов, выделивших непосредственность в качестве самостоятельного принципа, в работе, посвященной данному принципу (S. Maas, *Der Grundsatz der Unmittelbarkeit in der Reichsstrafprozessordnung*, Breslau, 1907), писал, что непосредственность состоит из таких двух элементов, как «*die Unmittelbarkeit der Tatsachenerschliessung*» (непосредственность постижения факта) и «*die Unmittelbarkeit der Verkehrs*» (непосредственность процесса). Элемент «*die Unmittelbarkeit der Tatsachenerschliessung*» означает, что судья должен находиться в прямой связи с фактами дела. Данное

требование вытекает из того, что риск искажения информации возрастает, когда она часто передается, потому что каждая передача информации включает субъективную оценку. Поэтому свидетельские показания перед судьей предпочтительнее письменных показаний свидетелей. Должна быть прямая связь между доказательствами и судьей. Исходя из «*die Unmittelbarkeit der Verkehrs*», судья должен непосредственно слышать и видеть участников судебного разбирательства и доказательства [2, с. 9].

Х.Е. Лёр подразделяет принцип непосредственности на «*Prinzip der Form*» (принцип формы), в соответствии с которым доказательство представляется судье в самой непосредственной форме, и «*Prinzip der Wahl*» (принцип выбора), согласно которому судья должен использовать наиболее непосредственное доказательство [3, с. 39–50]. Х. Сельчук отмечает схожесть принадлежащей С. Маасу концепции «*die Unmittelbarkeit der Tatsachenerschliessung*» с концепцией «*Prinzip der Form*» Х.Е. Лёр [2, с. 9].

Наряду с Х.Е. Лёр в 1970-е годы вопросы непосредственности и ее видов в уголовном процессе Германии на фундаментальном уровне разрабатывал К. Гепперт. Данный ученый разделил непосредственность на формальную и материальную. Исходя из формальной непосредственности, в ходе исследования доказательств в судебном разбирательстве должна существовать возможность поставить под сомнение все доказательства, которые могут оказать возможное влияние на решение суда. Материальная непосредственность требует, чтобы в судебном разбирательстве доказательства основывались на самых первичных источниках для гарантирования их проверяемости, в связи с чем первоначальное доказательство предпочтительнее любой его копии, которая несет риск искажения [2, с. 9; 4, с. 122–186].

Как показывает анализ работ современных немецких процессуалистов, в настоящее время деление непосредственности на формальную и материальную в уголовном процессе Германии в целом можно считать устоявшимся.

М. Хуссельс пишет, что принцип непосредственности вытекает из § 226 и 250 УПК ФРГ и означает, что исследование доказательств производится в суде первой инстанции (так называемая формальная непосредственность) и данные доказательства не могут быть заменены на суррогаты (так называемая материальная непосредственность) [5, с. 115]. Аналогичная точка зрения относительно содержания непосредственности у В. Бойкле, который также выводит принцип непосредственного исследования доказательств в судебном разбирательстве из § 226 и 250 УПК ФРГ, раскрывая его таким образом, что исследование доказательств, как правило, должно производиться в суде, который рассматривает дело (формальная непосредственность), и доказательства нельзя подменить на доказательственные суррогаты (фактическая непосредственность) [6, с. 235].

При этом, согласно § 226 УПК ФРГ, относящемуся к содержанию формальной непосредственно-

сти, основное судебное разбирательство производится при непрерывном присутствии всех лиц, призванных принимать решение по делу, а также прокуратуры и делопроизводителя судебной канцелярии. § 250 УПК ФРГ, посвященный принципу личного допроса и закрепляющий материальную непосредственность, определяет, что если доказательство факта основывается на восприятии индивидом, он должен быть допрошен на основном судебном заседании. Допрос не может быть заменен оглашением протокола о прежнем допросе или письменного объяснения [7].

По мнению У. Хелльманна, под формальной непосредственностью необходимо понимать принцип, гарантирующий, что решения могут опираться исключительно на восприятие суда на основном судебном разбирательстве. Данный принцип отражен в § 264 (1) УПК ФРГ, в соответствии с которым предметом вынесения приговора является указанное в обвинительном заключении деяние, и в § 261 УПК ФРГ, который устанавливает, что суд вправе выносить приговор только исходя из содержания основного судебного разбирательства. Материальная непосредственность, вытекающая из § 250 УПК ФРГ, согласно У. Хелльманну, означает, что в исследовании доказательств, как правило, нельзя ограничиваться суррогатами доказательств, а необходимо привлекать доказательства, непосредственно затрагивающие подлежащий доказыванию факт [7, с. 69; 8, с. 229–230].

Анализ взглядов Ф.-К. Шредера и Т. Феррела на принцип непосредственности позволяет сделать вывод о том, что указанные немецкие процессуалисты, разграничивая формальную и материальную непосредственность, к первой относят требование о том, что осуждение может опираться только на доказанное в судебном разбирательстве. Это вытекает, прежде всего, из § 261 УПК ФРГ, в соответствии с которым суд принимает решение на основе «совокупной оценки разбирательства», из обязанности суда по всестороннему исследованию истины в судебном разбирательстве (§ 244 (2) УПК ФРГ), а также § 264 УПК ФРГ, согласно которому предметом вынесения приговора является результат проведения судебного разбирательства. При этом, как отмечают указанные авторы, ссылаясь на практику Верховного Федерального суда, недостаточным считается простое наблюдение суда во время основного судебного разбирательства, например, наблюдение за реакцией слушателей без их предварительного привлечения к участию в судебном разбирательстве. Материальную непосредственность Ф.-К. Шредер и Т. Феррел также связывают с § 250 УПК ФРГ. В то же время, добавляя они, исключения из формальной непосредственности (как, например, допрос по поручению суда), как правило, одновременно являются нарушением материальной непосредственности (оглашение протоколов, допрос лиц, проводивших допрос) [9, с. 175–176, 180–181].

Вышеуказанное свидетельствует о том, что выделение формальной и материальной непосредст-

венности направлено на более глубокое понимание принципа непосредственности, который имеет единое содержание и двухэлементную структуру, в рамках которой формальная и материальная непосредственность тесно взаимосвязаны и лишь относительно, но не абсолютно самостоятельны.

Одновременно можно сделать вывод, что по вопросу о содержании материальной непосредственности в современном уголовном процессе Германии к настоящему времени сформировался единый подход, согласно которому нормативной основой материальной непосредственности выступает § 250 УПК ФРГ, толкуемый расширительно. Соответственно материальная непосредственность, из которой вытекает обязанность суда не ограничиваться суррогатами доказательств и привлекать доказательства, непосредственно относящиеся к подлежащим доказыванию фактам, касается исследования всех видов доказательств.

Однако относительно содержания формальной непосредственности в уголовном процессе Германии имеются определенные различия во взглядах. Часть авторов, такие как М. Хуссельс и В. Бойкле, выводят формальную непосредственность из § 226 УПК ФРГ. При этом в содержание формальной непосредственности ими включается исследование доказательств перед судом, разрешающим дело по существу. Акцент в данном случае делается на субъекте, который призван осуществлять исследование доказательств в целях разрешения дела по существу. Помимо этого, из § 226 УПК ФРГ вытекает, что судьи, разрешающие дело по существу, должны присутствовать при рассмотрении дела непрерывно, то есть в указанной норме закрепляется неизменность состава судей. Таким образом, при обозначенном подходе подчеркивается субъектно-целевая сторона непосредственности, в которой находит свое выражение предназначение судебной власти в уголовном процессе.

По мнению У. Хелльманна, Ф.-К. Шредера и Т. Феррела, формальная непосредственность вытекает из § 244 (2), 261 и 264 УПК ФРГ. Как можно заметить, отличное от рассмотренного выше понимание формальной непосредственности, и у К. Гепперта. Субъектно-целевая сторона непосредственности (исследование доказательств судом, разрешающим дело по существу) также отражена в определении формальной непосредственности, даваемом указанными авторами, однако фокусирование производится ими на других аспектах формальной непосредственности. Это, во-первых, личное восприятие судьями, разрешающими дело по существу, всех доказательств, представленных в судебном разбирательстве. Не случайно, что формальная непосредственность выводится из § 261 УПК ФРГ, посвященного свободной оценке доказательств. Именно результаты непосредственного исследования доказательств путем их личного восприятия без каких-либо промежуточных звеньев должны являться основанием оценки совокупности доказательств, фор-

мирования у судьи внутреннего убеждения и последующего вынесения итогового решения по уголовному делу. Во-вторых, можно заключить, что в содержание формальной непосредственности включается такой элемент, как привлечение к участию в судебном разбирательстве всех участников процесса, могущих поставить под сомнение относящиеся к делу доказательства. В связи с этим УПК ФРГ достаточно подробно регламентирует вопросы участия подсудимого в основном судебном разбирательстве (§ 230–234). Согласно же § 238 УПК ФРГ, проведение основного судебного разбирательства в отсутствие прокуратуры или лица, обязанного присутствовать по закону, является безусловным основанием для кассационного обжалования приговора.

В таком подходе к определению формальной непосредственности отражается технологическая сторона непосредственности, определяющая, каким образом должно производиться исследование доказательств судьей, разрешающим дело по существу.

Таким образом, анализ точек зрения немецких авторов на понятие формальной и материальной непосредственности позволяет сделать вывод, что формальная непосредственность в структуре принципа непосредственности функционально предназначена для ответа на вопросы, кто и для чего (субъектно-целевая сторона непосредственности), а также как (технологическая сторона непосредственности) осуществляет исследование доказательств. Функция материальной непосредственности в структуре принципа непосредственности состоит в ответе на вопрос, что исследуется (предметная сторона непосредственности).

Отдельно следует рассмотреть вопрос о том, как решается в уголовном процессе Германии вопрос о непрерывности основного судебного разбирательства. Актуальность данному вопросу придает факт незакрепления начала непрерывности судебного разбирательства в УПК РФ 2001 г. Однако данное начало долгое время действовало в отечественном уголовном процессе в его дореволюционный (ст. 633 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) и советский (ст. 240 УПК РСФСР 1960 г.) периоды развития, рассматриваясь в уголовно-процессуальной теории, начиная с дореволюционных времен [10, с. 158–159; 11, с. 36], в одной связке с принципом непосредственности и даже как его элемент. Поскольку непрерывность судебного разбирательства обеспечивает сохранение у судьи целостного впечатления обо всех обстоятельствах уголовного дела, что крайне важно для правильной оценки всей совокупности доказательств и вынесения правосудного решения, такой подход, безусловно, правомерен. Ю.К. Якимович прямо указывал на то, что настало время вернуть в УПК РФ принцип непрерывности [12, с. 157]. О недостаточной обоснованности отсутствия в современном УПК РФ непрерывности судебного разбирательства пишет Д.А. Мезинов [13, с. 123–124].

Немецкими процессуалистами отмечается, что в целях сохранения впечатления об устном судебном разбирательстве и достоверности воспоминаний обо всех необходимых моментах дела основное судебное разбирательство не может прерываться на слишком длительный срок [6, с. 219; 9, с. 153]. Для того чтобы это обеспечить, УПК ФРГ в § 228 и 229 закрепляет положения о приостановлении и отложении основного судебного разбирательства. Согласно § 229 УПК ФРГ, основное судебное разбирательство может быть отложено на срок до трех недель. Оно может быть отложено также на срок до одного месяца, если до этого оно проводилось не менее 10 дней. Если подсудимый или лицо, призванное принимать решение по делу, из-за болезни не может явиться на основное судебное разбирательство, которое уже продолжается не менее десяти дней, течение сроков в контексте вышеуказанных положений приостанавливается на время этой неспособности, но не дольше, чем на шесть недель; эти сроки истекают самое раннее через десять дней после истечения срока приостановления. В то же время если основное судебное разбирательство не продолжается самое позднее на следующий день после истечения сроков, указанных выше, оно должно быть начато заново, а значит, все рассмотренное ранее теряет свое значение. Дополнительные основания приостановления основного судебного разбирательства содержатся в ряде других норм УПК ФРГ (§ 145 (3), 217 (2), 265 (3,4)).

Однако обозначенное регулирование вопросов приостановления и отложения основного судебного разбирательства в уголовном процессе Германии основывается не на принципе непосредственности, а на других началах. М. Бохландер, выводя обозначенные положения из принципов концентрации и быстроты судебного разбирательства, пишет, что быстрое судебное разбирательство, помимо защиты интересов обвиняемого, также является гарантией сохранения доказательств в их наилучшем состоянии: чем дольше длится дело, тем больше опасность забывания, или болезни либо смерти (старых) свидетелей, или уничтожения либо повреждения вещественных доказательств, таких, как документы, образцы и т.д. [14, с. 26]. В. Бойкле называет соответствующее начало принципом судебного процесса, согласно которому дело по возможности должно быть разрешено в течение одного судебного заседания [6, с. 219].

Со сравнительно-правовой точки зрения интерес представляет разработанность вопроса о видах непосредственности в уголовном процессе Нидерландов, поскольку, как отмечается самими голландскими правоведом, Нидерланды могут рассматриваться как страна, которая возможно является наиболее инквизиционной в Западной Европе [15, с. 4].

Принцип непосредственности был введен в уголовный процесс Нидерландов с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса 1926 г. (*Wetboek van Strafvordering*), пришедшего на смену Уголовно-

процессуальному кодексу 1838 г. Как пишет П. Так, этот принцип требует, чтобы все доказательства были представлены и обсуждены в суде в присутствии подсудимого и что показания «с чужих слов» не принимаются [16, с. 29]. Однако Верховный Суд Нидерландов практически сразу после введения в действие нового УПК постановил, что доказательства «с чужих слов» допустимы, если будет обосновано, что свидетель «с чужих слов» лично наблюдал, что другое лицо говорит (решение от 20 декабря 1926 г.). Это оказало драматическое влияние на практику расследования преступлений голландской полицией. В соответствии с правилом, изложенным в обозначенном выше решении, показания полицейских, данные под присягой и содержащие описание показаний подозреваемого, являются таким же пригодным доказательством, как и показания непосредственно подозреваемого. Если суд использует такие показания, чтобы обосновать свое решение, формально, данные под присягой показания проводивших расследование полицейских используются в качестве доказательства вместо показаний самого подозреваемого. Они будут использоваться, даже если впоследствии подозреваемый откажется от своих показаний. Такое положение дел связано с доверием голландских судов к работе полиции [15, с. 7].

Другие исключения из принципа непосредственности, такие как использование в качестве доказательств показаний анонимных свидетелей, позднее также были признаны допустимыми. Использование анонимных свидетелей в качестве источников информации было ответом на возрастающий уровень организованной преступности в Нидерландах. Согласно практике Верховного Суда Нидерландов, анонимные свидетели могут иметь определенное значение при условии, что содержание их показаний будет использовано с осторожностью (решение от 4 мая 1981 г.) [17, с. 263].

Несмотря на формальные положения УПК Нидерландов, роль в установлении истины в голландском уголовном процессе в действительности принадлежит, как правило, не суду, рассматривающему и разрешающему уголовное дело, а следственному судье, осуществляющему предварительное расследование [16, с. 29–30]. А. Сварт по этому поводу отмечает: «Поскольку все данные, имеющие отношение к делу, уже собраны на стадии расследования, само судебное разбирательство длится недолго, особенно если обвиняемый признал свою вину. В последнем случае даже дело об убийстве рассматривается не более двух часов» [18, с. 276]. За один день голландскими судами, включая апелляционные суды, могут рассматриваться до двенадцати дел о тяжких преступлениях. Это позволяет голландским процессуалистам характеризовать уголовный процесс своей страны как эффективный и прагматичный [17, с. 262].

Под влиянием решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) роль принципа непосредственности в уголовном процессе Нидерландов стала большей, однако практика ЕСПЧ не смогла

коренным образом поменять природу последнего. Акцент на досудебные стадии в голландском уголовном процессе до сих пор очень силен, а стадия судебного разбирательства в значительной степени все еще сфокусирована на содержании материалов дела, а не на устной и состязательной борьбе в открытом судебном разбирательстве [17, с. 273].

Такое состояние уголовного процесса Нидерландов коррелирует со степенью разработанности вопросов непосредственности в уголовно-процессуальной теории. Голландский процессуалист Я. Нейбур указывает, что разработка принципа непосредственности в уголовном процессе Нидерландов является, в сравнении с другими странами, «чрезвычайно минимальной» и наименее полной [2, с. 10]. Исследуя принцип непосредственности, данный ученый выделяет две точки зрения на понятие этого принципа в академической литературе. Первая описывается им как формальный взгляд на непосредственность, основу которого составляет исследование доказательств в судебном разбирательстве. Формальный взгляд требует, чтобы была непосредственная связь между доказательством и судьей для того, чтобы существовала широкая возможность проверки информации. Формальный принцип непосредственности определяет, что все доказательства, которые могут влиять на решение суда, должны быть предметом исследования в ходе судебного разбирательства. Вторая точка зрения – материальный взгляд на непосредственность, согласно которому принцип непосредственности является принципом, который направлен на использование самых непосредственных доказательств. Аргументом в пользу этого взгляда является то, что воспроизводство доказательств несет риск искажения. Соответственно материальный принцип непосредственности требует, чтобы в ходе судебного разбирательства доказательства основывались на самых первичных источниках для гарантирования проверяемости содержащейся в них информации [2, с. 10]. Как можно увидеть, формальный и материальный принципы непосредственности, выделяемые в теории уголовного процесса Нидерландов, в данном случае существенно совпадают с формальной и материальной непосредственностью в уголовно-процессуальной теории Германии.

Формальный принцип непосредственности базируется на ст. 338 УПК Нидерландов, которая устанавливает, что обвинение может считаться доказанным, если суд пришел к убеждению, основанному на юридических доказательствах, что обвиняемый совершил инкриминируемое преступление [17, с. 255]. Нормативной основой материального принципа непосредственности выступает ст. 342 УПК Нидерландов, которая гласит, что показания свидетеля – это информация, которую он дает в суде о фактах и обстоятельствах, которые он наблюдал или в которых участвовал лично [16].

Однако можно сделать вывод, что принцип непосредственности, несмотря на закрепленность в

УПК Нидерландов, на догматическом уровне пока не вошел «в плоть и кровь» голландского уголовного процесса и соответственно не определяет мышление профессионального юридического сообщества и правоприменительную практику в Нидерландах в той степени, в которой это имеет место в Германии. Об этом косвенно свидетельствуют сроки рассмотрения уголовных дел в судебном разбирательстве. Если в немецких уголовных судах средняя продолжительность обычного основного судебного разбирательства составляет от одного до двух дней, в редких случаях две недели и даже больше, то в голландских судах – от одного до двух часов [15, с. 271–272].

Как представляется, проведенный сравнительно-правовой анализ развития доктрины, законодательства и практики в уголовном процессе Германии и Нидерландов в части вопросов, относящихся к принципу непосредственности, достаточно наглядно показывает необходимость более глубокой разработки аналогичных вопросов в теории уголовного процесса России, включая выделение в структуре принципа непосредственности формальной и материальной непосредственности, в том числе в целях дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Наоборот, невнимание к обозначенным вопросам может привести к отклонению уголовного процесса России в его развитии в сторону повышения степени «инквизиционности».

Формальная и материальная непосредственность, содержательно различаясь, но при этом будучи взаимосвязанными элементами в структуре принципа непосредственности, являются «внутренними» видами непосредственности. Одновременно по такому критерию, как режим функционирования непосредственности можно выделить такие виды последней, как ординарная, факультативная и экстраординарная непосредственность.

Если уголовно-процессуальные доктрина и законодательство соответствующей страны содержат принцип непосредственности, то, с учетом субъектно-целевой стороны непосредственности, личное восприятие судьями, разрешающими дело по существу, всех доказательств, представленных в судебном разбирательстве, привлечение к участию в судебном разбирательстве всех участников процесса, могущих поставить под сомнение относящиеся к делу доказательства (технологическая сторона непосредственности) и обязанность судьи исследовать доказательства, непосредственно относящиеся к подлежащим доказыванию фактам (предметная сторона непосредственности), являются общими правилами исследования доказательств в судебном разбирательстве, из которых есть объективно обусловленные и одновременно четко законом определенные исключения. Непосредственность с таким режимом функционирования является ординарной.

Обозначенный режим функционирования непосредственности в судебном разбирательстве действует как в уголовном процессе Германии, так и в

уголовном процессе России. Однако с учетом глубокой разработки в немецкой уголовно-процессуальной теории принципа непосредственности, в УПК ФРГ по сравнению с УПК РФ намного детальнее урегулированы вопросы исследования доказательств, в том числе запреты на введение в основное судебное разбирательство доказательств, порядок заявления и рассмотрения ходатайств об исследовании доказательств.

Ординарный режим функционирования непосредственности в судебном разбирательстве реализуется в уголовном процессе не всех стран континентальной Европы. Так, в соответствии с уголовно-процессуальной теорией и ст. 343 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии в судебном разбирательстве действует факультативная непосредственность (*facultative Unmittelbarkeit*) [20, с. 154, 822].

Как отмечается в литературе [21, с. 22], швейцарский законодатель при разработке УПК, принятого в 2007 г. и вступившего в силу в 2011 г., не считал непосредственный допрос необходимым ни на основании п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), ни по другим причинам. В уголовно-процессуальном законодательстве кантонов процесс доказывания в суде первой инстанции с давних пор не был центром уголовного процесса, из чего исходит Конвенция. Потребности практики и измененный политико-правовой взгляд на полицейско-прокурорскую борьбу с преступностью фактически переместили установление обстоятельств дела в предварительное производство. Исходя из ч. 3 ст. 308 УПК Швейцарии, суд получает официальные материалы дела из прокуратуры принципиально решенными, со всей фактической и правовой информацией, которая требуется для принятия решения по вопросу виновности. Повторное получение в суде свидетельских показаний, данных на предварительном следствии, вопреки требованиям Конвенции является исключением, а не правилом [21, с. 22].

Обязанность повторного получения доказательств, собранных в предварительном производстве, при рассмотрении дела по существу согласно УПК Швейцарии существует только в двух случаях. Во-первых, если доказательства собраны в предварительном производстве с нарушением предусмотренного законом порядка (ч. 2 ст. 343 УПК Швейцарии). Так, в литературе нарушением признается, если в предварительном производстве не было обеспечено право на очную ставку [21, с. 22–23]. Во-вторых, такая обязанность возникает, если у суда имеются основания полагать, что непосредственное исследование доказательств, полученного в ходе предварительного производства без нарушения предусмотренного законом порядка, необходимо для вынесения приговора. Как пишет А.А. Трефилов, в этом случае «суд самостоятельно в каждом отдельном деле принимает решение, исследовать ему доказательство или нет. Одновременно принцип следствия (ст. 6 УПК) ориентирует его не уклоняться от

исполнения своей обязанности по установлению истины» [20, с. 414]. Далее указанный исследователь швейцарского уголовного процесса отмечает: «Кодекс предусматривает единую процедуру получения доказательств при рассмотрении дела по существу, основанную на концепции активного суда. Вместе с тем в силу ст. 343 он вправе отказаться от непосредственного исследования доказательств. По смыслу Кодекса такое возможно, если судья уже сформировал на основе объективных данных впечатление о виновности или невиновности подсудимого» [20, с. 415].

Таким образом, при факультативной непосредственности непосредственное исследование доказательств в ходе судебного разбирательства может производиться как в отношении отдельных первоначальных доказательств и теоретически даже в том же объеме, что и в рамках ординарной непосредственности, если такое решение будет принято судом в целях вынесения правосудного приговора, так и, наоборот, при отсутствии установленных законом случаев обязательного исследования доказательств суд может ограничиться лишь исследованием материалов дела, собранных в ходе предварительного производства.

Ограничителем судейского усмотрения при факультативной непосредственности в уголовном процессе Швейцарии, как отмечено выше, выступает закрепленный в ст. 6 УПК принцип следствия. Согласно ему, органы уголовного судопроизводства обязаны *ex officio* установить все фактические обстоятельства, имеющие значение для квалификации деяния и разрешения дела в отношении обвиняемого. Они выявляют с равной тщательностью обстоятельства, свидетельствующие о виновности и невиновности обвиняемого. По своему содержанию этот же принцип, который в уголовном процессе других стран континентальной Европы именуется принципом материальной истины, инквизиционным, инструктивным принципом, принципом расследования или всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела.

В то же время можно прийти к выводу, что и сама возможность факультативной непосредственности в уголовном процессе Швейцарии вытекает из концепции активного суда, который самостоятельно определяет границы непосредственного исследования доказательств в целях установления материальной истины.

Однако при закреплении в законе факультативной непосредственности возникает не менее важный вопрос о соблюдении вытекающего из подп. «д» п. 3 ст. 6 Конвенции права обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

Данная проблема в уголовном процессе Швейцарии, как представляется, решается посредством соз-

дания в предварительном производстве действенного механизма защиты прав обвиняемого. В рамках данного механизма статус обвиняемого, во-первых, построен на основе материального критерия, отраженного в ч. 1 ст. 111 УПК Швейцарии, и, во-вторых, является единым на протяжении всего досудебного производства, будучи сконструирован в соответствии с германской моделью [20, с. 188].

Кроме того, УПК Швейцарии содержит достаточно широкие права участников процесса, в том числе обвиняемого и защитника, связанные с собиранием доказательств. В соответствии с ч. 1 ст. 147 УПК Швейцарии участники процесса вправе присутствовать при собирании доказательств прокуратурой и судами, а также задавать вопросы допрашиваемым лицам. Присутствие защитника при проведении допросов определяется ст. 159 УПК Швейцарии. Согласно ч. 3 ст. 147 УПК Швейцарии, сторона или ее представитель вправе требовать повторения процессуальных действий, связанных с собиранием доказательств, если представитель или сторона были лишены возможности участвовать в их проведении по независящим от них обстоятельствам. От повторения можно отказаться, если оно повлечет несоразмерные расходы и требование лица быть выслушанным, в частности, право задавать вопросы, может быть удовлетворено иным способом.

Тем не менее, в швейцарской литературе продолжает обсуждаться вопрос о соответствии п. 3 ст. 6 Конвенции закрепленного в УПК Швейцарии порядка исследования доказательств в режиме факультативной непосредственности [21, с. 22–23].

Швейцарский опыт построения судебного разбирательства в уголовном процессе на основе факультативной непосредственности представляет интерес в плане оценки возможности его учета при дальнейшем совершенствовании уголовно-процессуального законодательства России. Он показывает, что факультативная непосредственность может являться режимом функционирования непосредственности в обычном порядке судебного разбирательства только при комплексном реформировании уголовного судопроизводства, прежде всего его досудебной части, создании и тонкой настройке в досудебном производстве эффективного механизма защиты прав обвиняемого и других участников уголовного процесса, расширении прав обвиняемого и защитника в сфере доказывания. Кроме того, для закрепления в уголовном процессе факультативной непосредственности необходимо последовательное выражение в уголовном процессе, в данном случае уже в его судебной части, концепции активного суда, отражающей целевую направленность уголовного процесса на достижение материальной истины. Нельзя не учитывать также то, что современный уголовный процесс Швейцарии есть результат длительного самобытного исторического развития швейцарского общества и государства, в ходе которого сформированы их соответствующие социокультурные и политико-правовые особенности, хотя данное развитие и происходило в

рамках общего вектора, по которому развивалась континентальная Западная Европа в целом.

В связи с этим отдельное реформирование обычного порядка судебного разбирательства в уголовном процессе России путем закрепления в нем режима факультативной непосредственности может принести лишь еще больший вред в итак отличающееся несбалансированностью судебное производство по УПК РФ. При этом представляется плодотворной идея использования концепции факультативной непосредственности при реформировании особых (упрощенных) порядков судебного разбирательства, предусмотренных гл. 40, 40.1, а также ст. 226.9 УПК РФ, которые справедливо критикуются в уголовно-процессуальной литературе, в том числе за серьезное снижение уровня гарантий установления истины и гарантий прав участников уголовного процесса.

Режим исследования доказательств в ходе рассмотрения дела по существу в уголовном процессе Швейцарии, сконструированный посредством закрепления факультативной непосредственности, характеризуется сочетанием непосредственного исследования доказательств и исследования материалов дела, полученных в ходе предварительного производства.

В особых порядках судебного разбирательства, предусмотренных гл. 40, 40.1, а также ст. 226.9 УПК РФ, судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Однако законодательно очерчен круг обстоятельств, которые все же подлежат исследованию в судебном разбирательстве. Согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ, в рамках судебного разбирательства, проводимого в соответствии с гл. 40 УПК РФ, могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 постановления от 5 декабря 2006 г. № 60 [22] устанавливает, что поскольку порядок такого исследования гл. 40 УПК РФ не ограничен, оно может проводиться всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами, в том числе путем исследования дополнительно представленных материалов, а также допросов свидетелей по этим обстоятельствам.

Особый предмет доказывания по делу, рассматриваемому в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, определен ст. 317.7 УПК РФ, которая одновременно отсылает к ст. 316 УПК РФ. В соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 [23], проверяя обстоятельства, указанные в пунктах 1, 2 и 3 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, суд исследует не только имеющиеся в уголовном деле материалы (справки, заявление о явке с повинной, протоколы и копии протоколов следственных действий и т.д.), но и иные представленные сторонами документы, в том числе относящиеся к другим уголовным делам, возбужденным в резуль-

тате сотрудничества с подсудимым (материалы оперативно-розыскной деятельности, материалы проверки сообщения о преступлении, копии постановлений о возбуждении уголовного дела и (или) о предъявлении обвинения, копии протокола обыска, документа, подтверждающего факт получения потерпевшим похищенного у него имущества, и др.). Как и при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства в соответствии с гл. 40 УПК РФ в данном случае, указывает Пленум Верховного Суда РФ, исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказания, может проводиться в том числе путем исследования дополнительно представленных сторонами материалов, а также допросов свидетелей.

Согласно ст. 226.9 УПК РФ, устанавливающей особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого, представленных в соответствии с ч. 3 указанной статьи УПК РФ. Обозначенная статья УПК РФ также дополнительно отсылает к статьям 316 и 317 УПК РФ, поэтому вышеуказанные разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в соответствующей части относятся к данному порядку рассмотрения уголовных дел судом.

Как пишет А.А. Кайгородов: «Исследование доказательств при применении гл. 40 и 40.1 УПК РФ носит непосредственно-опосредованный характер. Как показывает практика, восприятие судом информации через изучение протоколов, справок, характеристик (опосредованно) сочетается с непосредственным заслушиванием подсудимого, защитника, государственного обвинителя, потерпевшего, свидетелей. Однако опосредованный способ исследования доказательств является превалирующим, что предопределяется характером тех обстоятельств, которые подлежат изучению в порядке гл. 40 и 40.1 УПК РФ» [24, с. 46].

Таким образом, режим исследования доказательств в ходе рассмотрения дела по существу в уголовном процессе Швейцарии, сконструированный посредством закрепления факультативной непосредственности, и режимы исследования доказательств в рамках особых порядков судебного разбирательства в современном уголовном процессе России обладают определенной схожестью в части сочетания непосредственного исследования доказательств и носящего опосредованный характер исследования письменных материалов дела. Данное обстоятельство и сущность особых порядков судебного разбирательства как упрощенных производств позволяют их реформировать, заложив в них режим факультативной непосредственности. Такое реформирование особых порядков судебного разбирательства потребует изменения закона в части

расширения предмета доказывания по уголовному делу, установления перечня случаев, когда исследование доказательств должно производиться в обязательном порядке, и закрепления права суда непосредственно исследовать доказательства, когда это необходимо для вынесения правосудного приговора.

По существу, на необходимость закрепления в уголовном процессе России факультативной непосредственности в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, указывает А.В. Пиюк, когда пишет: «В целях совершенствования судебной процедуры предлагается исключить из УПК РФ положения ч. 5 и ч. 8 ст. 316 УПК РФ, устанавливающие запрет на исследование доказательств, напротив, закрепив обязанность суда убедиться в том, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, определенные в ст. 73 УПК РФ, по делу установлены. Следует предоставить суду право исследования доказательств, вызывающих сомнение у него либо участников уголовного судопроизводства и требующих уточнения. Кроме того, следует установить в законе обязательность допроса подсудимого, признавшего себя виновным, по обстоятельствам совершенного им деяния» [25, с. 27]. В связи с изложенным выше данные предложения А.В. Пиюка заслуживают поддержки.

Помимо судебного разбирательства режим факультативной непосредственности может быть выбран при конструировании апелляционного производства с учетом предназначения апелляции обеспечивать пересмотр дела по существу.

По режиму функционирования наряду с обычной и факультативной непосредственностью, как уже отмечалось, можно выделить экстраординарную непосредственность, которая предполагает такой режим исследования судом доказательств, когда общим правилом в соответствии с законом является исследование письменных материалов уголовного дела, собранных на предыдущих стадиях производства по делу. При этом законом может быть установлен перечень случаев, предусматривающих право и (или) обязанность суда непосредственно исследовать первоначальные доказательства. В отличие

от факультативной непосредственности в рамках режима экстраординарной непосредственности в силу законодательных ограничений невозможно обеспечить непосредственное исследование судом всей совокупности доказательств, в том числе по решению самого суда, когда он считает это необходимым для вынесения правосудного решения.

Такой режим непосредственности, безусловно, недопустим в рамках обычного порядка судебного разбирательства, в противном случае из современного уголовного процесса будет выхолощена сама сущность правосудия. Данный вид непосредственности может реализовываться в упрощенных и проверочных (например, при неполной апелляции) производствах. При этом границы непосредственного исследования доказательств в рамках того или иного производства в условиях режима экстраординарной непосредственности должны определяться с учетом предмета и задач этого производства, сущности и задач стадии уголовного процесса, на которой рассматривается (пересматривается) дело, целевой направленности (задач) уголовного процесса в целом и других типологических особенностей уголовного процесса соответствующей страны. В противном случае указанный режим будет просто неэффективен, что подтверждает практика внедрения в современный уголовный процесс России и реализации в нем особых порядков судебного разбирательства, предусмотренных гл. 40, 40.1, а также ст. 226.9 УПК РФ. Выбор законодателем режима экстраординарной непосредственности требует тщательной предварительной проработки данного вопроса и теоретического обоснования.

Таким образом, выделение видов непосредственности в уголовном процессе позволяет лучше понять круг и сложность проблем уголовного процесса, связанных с реализацией в нем принципа непосредственности, структурировать данный принцип и с учетом уголовно-процессуальной доктрины выбрать на законодательном уровне оптимальный режим его функционирования в конкретном уголовно-процессуальном производстве в целях решения указанных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики: монография. М., 2012. 496 с.
2. Selçuk H. The actual role of the principle of immediacy in the Dutch criminal procedure: Master thesis research master in law, 2012. 34 p.
3. Löhr H.E. Der Grundsatz der Unmittelbarkeit im deutschen Strafprozessrecht. Berlin, 1972. 206 p.
4. Geppert K. Der Grundsatz der Unmittelbarkeit im deutschen Strafverfahren. Berlin, 1979. 302 p.
5. Hussels M. Strafprozessrecht. Schnell erfasst. Zweite, aktualisierte und erweiterte. Springer, 2008. 218 p.
6. Бойкле В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник. 6-е изд., с доп. и изм.: пер. с нем. Я.М. Плошкиной / под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004. 352 с.
7. Головенков П., Стица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». Universitätsverlag Potsdam, 2012. 404 с.
8. Hellmann U. Strafprozessrecht. Zweite, überarbeitete und aktualisierte. Springer, 2008. 387 p.
9. Шредер Ф.-К., Ферелл Т. Уголовно-процессуальное право Германии – Strafprozessrecht: пер. с нем. 5-е изд. М., 2016. 304 с.
10. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. 448 с.
11. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Киев, 1880. 318 с.

12. Якимович Ю.К. Насущные проблемы науки уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 155–158.
13. Мезинов Д.А. Непосредственность судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: понятие, значение, тенденции реализации в современной судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 123–126.
14. Bohlander M. Basic Concepts of German Criminal Procedure – An Introduction // Durham Law Review. 2011. V. 1. P. 1–31.
15. *Adversarial versus Inquisitorial Justice. Psychological Perspectives on Criminal Justice Systems* / ed. by Peter J. van Koppen and Steven D. Penrod. Springer Science+Business Media, LLC, 2003. 437 p.
16. Tak P.J.P. The Dutch Criminal Justice System. 2008. 189 p.
17. Groenhuijsen M.S., Selçuk H. The Principle of Immediacy in Dutch Criminal Procedure in the Perspective of European Human Rights Law // Zeitschrift für die Gesamte Strafrechtswissenschaft. V. 126. Iss. 1 (May 2014). P. 248–276.
18. Правовая система Нидерландов / отв. ред. В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова. М., 1998. 432 с.
19. Code of Criminal Procedure of the Kingdom of Netherlands (as of 2012) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/> (дата обращения 30 июня 2017 г.).
20. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. М., 2016. 1019 с.
21. Beckers S. Das Konfrontationsrecht nach Art. 6 (3) (d) EMRK in der konventionsrechtlichen und schweizerischen Praxis. Eine Analyse mit besonderer Berücksichtigung der Kompensationsprüfung bei Einschränkungen. Masterarbeit von Simone Beckers. 2014. 66 p.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 30.06.2017).
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 30 июня 2017 г.).
24. Кайгородов А.А. Пределы ограничения непосредственности при проведении судебного разбирательства в особом порядке // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 43–47.
25. Лиюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2017. 38 с.

TYPES OF DIRECTNESS IN THE CRIMINAL PROCESS

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 10, pp. 56–66. DOI: 10.17223/23088451/10/10
 Aleksandr A. Mikhailov, Tomsk Agricultural Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maa1505@sibmail.com

Keywords: principle of directness, trial, research of evidence, types of directness

The article dwells on the different nature of directness in the Anglo-American and continental types of the criminal process due to the difference in the criminal process underlying these types of adversarial and investigative methods of establishing the circumstances of the criminal case. Taking into account the criminal procedural theory and legislation of the countries of continental Europe (Germany, the Netherlands, and Switzerland), the author justifies the necessity of developing directness in the theory of the Russian criminal process. The structure of the principle of directness by content consists in formal and material directness. Formal directness is functionally designed to answer the questions of who and what for (the subject-target side of directness), and how (the technological side of directness) carries out the study of evidence. The function of material directness consists in answering the question what is being investigated (the objective side of immediacy). By the mode of functioning, the author distinguishes ordinary, facultative and extraordinary directness. The directness is ordinary if the general rule is the direct investigation by the court of evidence in the judicial proceedings, with exceptions objectively conditioned and clearly defined by law. With optional immediacy, the direct investigation of evidence in the course of a trial can be made both with regard to individual initial evidence and, theoretically, even to the same extent as in the framework of ordinary immediacy, if such a decision is taken by the court for the purpose of rendering a verdict, and, conversely, in the absence of statutory cases of compulsory examination of evidence, the court may confine itself only to the examination of case materials collected during the course of the trial proceedings. In case of facultative directness, the direct investigation of evidence in the course of trial can be made both with regard to individual initial evidence and, theoretically, even to the same extent as within the framework of ordinary directness, if such a decision is taken by the court for the purpose of rendering a verdict. Conversely, in the absence of statutory cases of compulsory examination of evidence, the court may confine itself only to the examination of case materials collected during the course of the trial. Extraordinary directness presupposes the mode of investigation of evidence by the court when the general rule in accordance with the law is the investigation of the written materials of the criminal case. The law may establish a list of cases that provide for the right and (or) the duty of the court to directly investigate the initial evidence. Unlike facultative directness, extraordinary directness cannot provide direct investigation of the entire body of evidence by the court, including by the court's decision, due to legislative limitations. The author supports the idea of reforming the special procedures of the trial in the Russian criminal process through the mode of facultative directness.

REFERENCES

1. Mikhaylov, A.M. (2012) *Genesis kontinental'noy yuridicheskoy dogmatiki* [Genesis of continental legal dogmatics]. Moscow: Yurlitinform.
2. Selçuk, H. (2012) *The actual role of the principle of immediacy in the Dutch criminal procedure*. Master thesis.
3. Löhr, H.E. (1972) *Der Grundsatz der Unmittelbarkeit im deutschen Strafprozeßrecht* [The principle of directness in German criminal law]. Berlin: Duncker & Humblot.
4. Geppert, K. (1979) *Der Grundsatz der Unmittelbarkeit im deutschen Strafverfahren* [The principle of immediacy in German criminal proceedings]. Berlin: De Gruyter.

5. Hussels, M. (2008) *Strafprozessrecht* [Criminal Procedure Law]. 2nd ed. Frankfurt am Mein.
6. Boykle, V. (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo FRG* [Criminal procedure law of the Federal Republic of Germany]. 6th ed. Translated from German by Ya.M. Ploshkina. Krasnoyarsk: RUMTs YuO.
7. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung (StPO)* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung (StPO)]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam.
8. Hellmann, U. (2008) *Strafprozessrecht* [Criminal Procedure Law of Germany]. Springer.
9. Schreder, F.-K. & Ferell, T. (2016) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Germanii = Strafprozessrecht* [Criminal Procedure Law of Germany = Strafprozessrecht]. Translated from German. 5th ed. Moscow: [s.n.].
10. Dukhovskoy, M.V. (1910) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow: A.P. Poplavsky.
11. Talberg, D.G. (1880) *Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Russian criminal justice]. Kyiv: [s.n.].
12. Yakimovich, Yu.K. (2012) Nasushchnye problemy nauki ugolovnogo protsessa [The urgent problems of the criminal process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 354. pp. 155–158.
13. Mezinov, D.A. (2008) Neposredstvennost' sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie, znachenie, tendentsii realizatsii v sovremennoy sudebnoy praktike [The directness of the trial in criminal proceedings: concept, significance, trends of implementation in modern judicial practice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 309. pp. 123–126.
14. Bohlander, M. (2011) Basic concepts of German criminal procedure – An Introduction. *Durham Law Review*. 1. pp. 1–31.
15. Koppen, P.J. van & Penrod, S.D. (2003) *Adversarial versus Inquisitorial Justice. Psychological Perspectives on Criminal Justice Systems*. Springer Science+Business Media, LLC.
16. Tak, P.J.P. (2008) *The Dutch criminal justice system*. [s.l., s.n.].
17. Groenhuijsen, M.S. & Selçuk, H. (2014) The Principle of Immediacy in Dutch Criminal Procedure in the Perspective of European Human Rights Law. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 126(1). pp. 248–276.
18. Boytsova, V.V. & Boytsova, L.V. (eds) (1998) *Pravovaya sistema Niderlandov* [The legal system of the Netherlands]. Moscow: Zertsalo.
19. Netherlands. (n.d.) *Code of Criminal Procedure of the Kingdom of Netherlands (as of 2012)*. [Online] Available from: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/>. (Accessed: 30th June 2017).
20. Trefilov, A.A. (2016) *Ugolovnyy protsess zarubezhnykh stran* [The criminal process of foreign countries]. Vol. 1. Moscow: Voskhod.
21. Beckers, S. (2014) *Das Konfrontationrecht nach Art. 6 (3) (d) EMRK in der konventionsrechtlichen und schweizerischen Praxis. Eine Analyse mit besonderer Berücksichtigung der Kompensationsprüfung bei Einschränkungen* [The right to confront according to Art. 6 (3) (d) ECHR in Convention and Swiss practice. An analysis with special consideration of the compensation test for restrictions]. Master thesis.
22. Russian Federation. (2006) *Resolution No. 60 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 5, 2006, On the application of special procedures for the trial of criminal cases by courts*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64549/. (Accessed: 30th June 2017). (In Russian).
23. Russian Federation. (2012) *Decree No. 16 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012, On the practice of courts applying special procedure for the trial of criminal cases when concluding a pre-trial cooperation agreement*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/. (Accessed: 30th June 2017). (In Russian).
24. Kaygorodov, A.A. (2013) Limits restricting directness in the course of a trial in a special order. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2(8). pp. 43–47. (In Russian).
25. Piyuk, A.V. (2017) *Teoreticheskie osnovy uproshcheniya form razresheniya ugolovnykh del sudom v Rossiyskoy Federatsii: tipologicheskii aspekt* [Theoretical bases for the simplification of forms of criminal cases solution by court in the Russian Federation: A typological aspect]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.